

Содержание

ISSN 2587-8190

Артем Трофимов. Многоязычие в литературной культуре петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича	335
Виолетта Арстанова. Записки Е. А. Сушковой (Хвостовой): К вопросу об объективности источника	354
Алексей Балакин. Из комментариев к «палладским» текстам И. А. Гончарова	364
Мария Лихинина. Историческая проза и романтическая историография: Образ Ивана Грозного в творчестве Н. И. Костомарова	372
Владимир Емельянов. Древняя Месопотамия в творчестве Сергея Прокофьева	391
Наталья Маркова. «Патмос» Б. К. Лившица и мистическая философия Я. Бёме	415
Юлия Козицкая. Конструирование автобиографического нарратива в творчестве советского национального писателя: Повесть «Мои мектебы» Сабита Муканова	429

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2018 XIV (4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2018 (4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018

© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Информация об авторах

Виолетта Арстанова, аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
violette_91@mail.ru

Алексей Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
balakin@inbox.ru

Владимир Емельянов, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
banshur69@gmail.com

Юлия Козицкая, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
y.kozitskaya@gmail.com

Мария Лихинина, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
maria_sarana@mail.ru.

Наталья Маркова, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
natellen16@gmail.com

Артем Трофимов, студент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
artem_trofimov_9@mail.ru

АРТЕМ ТРОФИМОВ
(Санкт-Петербург)

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

«Епиникион» Феофана Прокоповича

В статье сопоставляются две из трёх известных на сегодняшний день редакций победной песни Феофана Прокоповича «Епиникион» — на церковнославянском и польском языках. Проводится попытка соотнесения разных редакций произведения с восточнославянской и западноевропейской литературными традициями начала Петровской эпохи. С этой целью анализируются «общие места» в двух текстах, характерные для литературных традиций России и западной Европы начала XVIII века.

Ключевые слова: Феофан Прокопович, «Епиникион», многоязычие, редакции, сравнение.

The paper presents the comparison of two of the three versions of Feofan Prokopovich's triumphal poem «Epinikion» which are known nowadays — in Ancient Church Slavonic and Polish. Different versions of the poem are attempted to compare with the East Slavic and the West European literature traditions of the beginning of the Petrine epoch. To this end, «loci communi», typical for the Russia's and the West Europe's literature traditions of the beginning of XVIIIth century, are analyzed.

Key words: Feofan Prokopovich, «Epinikion», plurilingualism, versions, comparison.

DOI 10.26172/2587-8190-2018-14-4-335-353

Многие восточнославянские авторы-монахи конца XVII — начала XVIII веков создавали произведения на церковнославянском, польском и латинском языках в зависимости от содержания и эстетического наполнения текста. На общем фоне литературы Петровской эпохи выделяется победная песнь Феофана Прокоповича «Епиникион», посвящённая Полтавской победе Петра I 1709 года. Это произведение необычно тем, что было создано на трёх языках сразу. Три текста имеют одно заглавие и сюжет, сходные средства выразительности, что позволяет назвать их не разными произведениями, а тремя вариантами одного и того же текста. Тем не менее, сравнение

трёх редакций «Епиникиона» обнаруживает явные различия на уровне фразеологии, системы образов, устойчивых речевых формул. Цель данной статьи — сопоставить польскую и церковнославянскую редакции «Епиникиона».

«Епиникион» был создан Феофаном Прокоповичем в Киеве в 1709 году и посвящён Полтавской битве 8 июля 1709 года. И. А. Чистович упоминает, что в день возвращения Петра с победой в Киев Феофан приветствовал государя в Софийском соборе торжественным панегириком о Полтавской победе, написанным на русском и латинском языках и напечатанным в том же году в типографии Киево-Печерской лавры.¹ Поскольку в киевском сборнике 1709 года было два произведения, «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе» и «Епиникион, сиест песнь победная о тоейжде преславной победе», логично предположить, что последний был написан в то же время, что и первый. Не будучи лично свидетелем битвы, Прокопович, по мнению Г. Н. Моисеевой, черпал материал из брошюры «Обстоятельная реляция о главной баталии...»,² распространявшейся по случаю победы по разным городам России.³

Отвечая на вопрос о том, были ли созданы все три известные на сегодняшний день редакции «Епиникиона» одним автором, приведём цитату из предисловия, предпосланного самим Феофаном сборнику 1709 года: «Присовокупишася к сему («Слову похвальному...» — А. Т.) и торжественныя ритмы во славу тоеяжде неслыханныя твоей виктории, тройственным диалектом, латинским, славенским и польским, сложенныя от мене...».⁴ С. И. Николаев указывает на то, что

¹ Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 14–15.

² 1709 июля 9 «Обстоятельная реляция» о Полтавской битве // Письма и бумаги императора Петра Великого: В 13 т. М.; Л., 1950. Т. 9: (Январь–декабрь 1709 года). Вып. 1. С. 258–276.

³ Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 190.

⁴ Феофан Прокопович. Предисловие до его царского священишаго величества всероссийскаго // Феофан Прокопович. Соч. / Под ред. И. П. Ерёмкина. М.; Л., 1961. С. 459–460 («Литературные памятники»). В дальнейшем ссылки на данное издание приводятся в тексте статьи с указанием в скобках номера страницы.

случаи, когда автор создавал одно произведение на двух и более языках, уже имели место в Петровское время.¹

К настоящему времени нам известно три сборника начала XVIII века, содержащих текст «Епиникиона». Состав сборников отражён в следующей таблице:

Название сборника	Место и год издания	Состав
«Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе»	Киев, 1709	«Предисловие до его царского священнейшаго величества все-российского», «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе...» на церковнославянском, «Епиникион» на церковнославянском.
«Panegyricus de celebrima victoria, quam Petrus Primus D: G: Rex, totius Rossiae monocrator, &c. &c. de universis suecorum exercitibus Deo Iuvantae reportavit»	Киев, 1709	Гравюра Д. Галаховского, изображающая Петра I на троне; «Panegyricus Petro I...» на латыни; «Epinicium» на латыни; «Epinicium» на польском.
«Panegyricus de celebrima et paene inaudita victoria, quam Petrus I, totius Rossiae monocrator, &c. &c. de universis suecorum exercitibus Deo Iuvantae reportavit»	Лейпциг, 1711	«Panegyricus Petro I...» на латыни; «Epinicium» на латыни.

Представленные в таблице результаты позволяют прийти к наблюдению, что во всех известных на данный момент сборниках, содержащих «большой текст» Феофана Прокоповича о Полтавской победе, встречаются комбинации польского и латинского варианта избранного произведения, однако комбинации какой-либо из них с церковнославянским вариантом отсутствуют. Наиболее прямым объяснением может

¹ Николаев С. И. О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века // Русская литература. 2015. № 2. С. 134.

быть установка разных сборников на разного предполагаемого адресата. Латинский язык не только оставался языком книжности и учёности, но и выполнял функцию международного средства коммуникации. Роль языка «высокой» культуры отводилась на рубеже XVII–XVIII веков и польскому языку.¹ В то же время церковнославянский текст, по-видимому, изначально планировался Прокоповичем как более «демократически» ориентированный, вследствие чего ряд исследователей справедливо усматривает определённую степень упрощения образно-стилистической составляющей церковнославянской редакции «Епиникиона».² Вместе с тем нельзя отрицать принадлежности обеих версий произведения к барочному направлению восточнославянской литературы XVII — начала XVIII веков.

Приступая к выделению конкретных различий между церковнославянским и польским вариантами «Епиникиона», на данном этапе ограничимся описанием явных текстовых разногласий между двумя редакциями, а также попытаемся привести некоторые предположения относительно их происхождения. Для обозначения текстовых элементов, выявленных при сопоставлении двух редакций «Епиникиона», нами был избран термин «формула». О. В. Творогов, характеризуя данное явление, разделяет речевую формулу на две составляющие — традиционные ситуативные формулы и словесные штампы.³ В данном исследовании мы обратимся ко второй составляющей понятия «литературная формула», предварительно расширив ее определение. Литературной формулой мы обозначим словесный штамп и устойчивое словосочета-

¹ Николаев С. И. О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века. С. 138.

² См., например: *Автухович Т. Е.* Ранние стихотворения Феофана Прокоповича // *Веснік БДУ імя У. І. Леніна*. Серія 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. 1981. № 1. С. 11–14; *Копаниця Л. М.* «Епиникион» Феофана Прокоповича: До питання про текстуальну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття // *Література. Фольклор. Проблеми поетики: збірник наукових праць*. Київ, 2012. Вип. 37. Ч. 1. С. 154–162.

³ *Творогов О. В.* Задачи изучения литературных формул Древней Руси // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М.; Л., 1964. Т. 20: Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков. С. 32.

ние, а также отдельные лексемы, заимствованные автором из произведений другой эпохи и культуры и маркирующие в избранном тексте свою принадлежность к ним.

Уже во вступлении, в котором описывается невозможность выразить восторг от победы Петра всеми известными способами, намечаются текстовые расхождения:

Аще когда найпаче нынѣ нам желати
Достоит многих устен, ибо ниже златый
Орган рифмотворческий воспѣти довлѣет
Нашей нынѣ радости, ниже что успѣет
Вѣтійских устен слово (с. 209).

Ieżeli kiedy, teraz tyśiąc nam jeźkow,
y ust y Stentorowych trzeba żądać krzykow:
Bo ani złota twoia lutnia Apollinie
A ni twoja, co mleczna niby rzeka płynie,
Wymowa Tulliuszu dość czynić niemoże
Fortunie naszej.¹

«Орган рифмотворческий» (стихотворный дар) и «вѣтійских устен слово» (дар красноречия), обозначающие абстрактные понятия и представления, в польской версии персонифицированы в образах покровителя искусств Аполлона и оратора Цицерона, а обозначение громкого крика сопровождается именем мифологического героя «Илиады» Стентора, обладавшего громким голосом. В связи с данным наблюдением уместным видится вспомнить идею Б. А. Успенского и В. М. Живова относительно средневековой русской культуры: «актуализация религиозного значения античной мифологии в русских условиях приводит к тому, что эта мифология оказывается здесь эталоном для описания всякой неправославной веры»;² в Петровскую же эпоху, по мысли учёных, античные образы и мотивы сознательно вводятся

¹ Цит. по: Panegyricus de celeberrima victoria, quam Petrus Primus D: G: Rex, totius Rossiae monocrator, &c. &c. de universis suecorum exercitibus Deo Iuvantae reportavit. Киев, 1709. Без pag. В дальнейшем при приведении цитат на польском и латинском языках номера страниц данного издания не указываются. При цитировании соблюдена орфография оригинала.

² Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 472.

многими авторами для олицетворения государственной политики, что приводит к семиотическому «многоязычию» культуры переходного периода.¹ «Многоязычие» чувствуется и в данном тексте.

Предваряя дальнейшие наблюдения, отметим, что большинство античных образов имеет отрицательную коннотацию, однако Аполлон и Цицерон в польской версии используются для олицетворения разных видов словесного искусства. Объясняется это, скорее всего, стремлением автора передать идею в образах, более подходящих для каждой публики. Русскоязычный читатель, уже знакомый к началу XVIII века с античностью по ряду переводных памятников, оставался по большей части носителем средневекового культурного сознания, тогда как в польскоязычном и латиноязычном дискурсе западнорусских монахов-интеллектуалов имена античных богов встречаются гораздо чаще и вне зависимости от религиозной принадлежности авторов.

Известно также, что в кругу Киево-Могилянской академии имела хождение книга стихов Лазаря Барановича «*Lutnia Apollinowa*», автора которой Р. Лужный считает одним из последних писателей «высокого» барокко XVII века, характеризуя его произведения следующим образом: «В этих текстах можно заметить последние следы стилистической манеры XVII века, упадок барочной декоративности и концептуализма, непомерную антикизацию, а также уродливый переизбыток словесного и стихотворного маньеризма» (пер. с польск. мой — А. Т.).² Мы не берёмся утверждать, что цитированные стихи «Епиникиона» являются прямой рецепцией книги «*Lutnia Apollinowa*», однако же возможности влияния названия книги Барановича на избранный текст отрицать нельзя.

Очевидно, с той же целью «антикизации» на протяжении текста неоднократно вместо слова «победа» употребляется латинизм «*Wiktorya*», взамен не менее типичного для польского языкового обихода слова «*zwycięstwo*»:

¹ Там же. С. 477–485.

² *Łuźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-wshodniosłowiańskich w XVII–XVIII w. Kraków, 1966. S. 129.*

Но коим приїде видом побѣда нам сия... (с. 209).

Ale co za kształt, y co ma za pozor nowy
Tak wielka Wiktorya...

Следующее употребление слова «Wiktorya» встречается ниже:

И сотре ад, десница со Петром на брани
Будет, и узрим, коей побѣда ждет страни (с. 210).

Sławna prawica będzie z Piotrem ulubionym,
Przy kim też Wiktorya zostanie wesola...

Как можно заметить, Феофан Прокопович использует приём олицетворения, наделяя Викторию эпитетом «wesola». Более того, «Wiktorya» в польском тексте графически выделяется прописной буквой, чего не наблюдается в церковнославянском варианте.

Следует также обратить внимание на разницу в обозначении числа «уст», не способных выразить восторг от победы Петра: польский вариант указывает на тысячу, церковнославянский обходится без указания конкретного количества; в латинской версии говорится о «ста ртах»:

Si quando licuit, sane nunc poscere centum
Ora licet, centum linguas optare sonoras.

Д. Л. Либуркин отмечает, что указание количества «уст» непосредственно отсылает к национальной поэтической традиции, в случае с латинским текстом — к античной.¹

Следующий отличающийся элемент апеллирует к разным литературным традициям:

Уже брань десятое лѣто начинаше
(Время брани Троянской), егда уже бяше
Внутр отчества супостат сверѣпый и дивый,
Змѣнническим полчищем силу умноживый (с. 209).

Już dzieśiatych żniw woyna doscigała sroga,
(Czasu klęski Trojanskiey) a niebyła trwoga

¹ Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории: XVII — первая половина XVIII века. М., 2000. С. 54.

Nigdy ciężka, gdyż w nasze wtargnął już był strony
Wielki. y Buntowniczym ieszcze pomnożony
Orżem Nieprżyiaćiel.

Обозначение астрономического года указанием на время пахотных работ широко известно в европейской поэзии и восходит ещё к античным источникам. На подобное употребление в драме Сенеки «Троянки» обращал внимание в «Риторике» М. В. Ломоносов, приводя в качестве примера металеписа следующие стихи: «Уж десять жатв прошло, сторела горда Троя».¹ В то же время стих из церковнославянской версии «Уже брань десятое лѣто начинаше» самим словом «лѣто», возможно, отсылает к традициям древнерусского летописания, а именно — к формулам зачина погодной записи: «В лѣто 6360, индикта 15, начнешю Михаилу цесарствовати...»,² «В лѣто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья...»,³ «В лѣто 6374. Иде Асколдъ и Дирь на Грѣкы...»⁴ и т. п. Тем не менее, примечательным является тот факт, что сопоставление десяти астрономических лет с десятью годами осады Трои остается в обеих версиях «Епиникиона». Данный сюжет античной истории Феофан считает важным для художественной структуры произведения и, видимо, рассчитывает на то, что все читатели текста имеют сведения об этом событии. Древнерусскому читателю сюжеты о взятии Трои были известны из переводов «Метаморфоз» Овидия,⁵ а также более древних переводов Хроники Константина Манассии (болгарский перевод относится к XIV веку), «Троянской истории» Гвидо де Колумна (начало XVI века) и «Повести о создании и поплении Тройском...» (XVI–XVII века).

Перейдём к рассмотрению следующего фрагмента:

¹ Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Полн. собр. соч.: [В 11 т]. М.; Л., 1952. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. С. 53.

² Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 72.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ См.: Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 32–34.

Сия изрек, абие ожесточи тогда
Сердца супостатския; яко же иногда
Лютаго фараона обьять убо дивна
Гордость ум их и мечта, естеству противна (с. 210).

Co rzększy, wnet tajemnym sposobem, y zgoła
Niezrozumianym (czego AEgipski morderca
Doznał niegdyś na sobie) w twardy kamień serca
Mieñi nieprzyjaćielskie: a zatym ich wielki
Szum głowie opranował.

Упоминание фараона как «египетского убийцы» отсылает к тексту Священного Писания, а именно — к сюжету о страданиях евреев в Египте и казнях Египетских. Таким образом, русские воины снова сравниваются с праведными последователями пророка Моисея. Справедливым кажется также следующий довод: слово «фараон» присутствует только в церковнославянской редакции произведения. Учитывая сословную и социальную принадлежность автора «Епиникиона», можно прийти к заключению, что наличие слова «фараон» отсылает к корпусу православных богослужебных текстов, например: «Яко по суху пешешествовав Израиль, по бездне стопами, гонителя фараона видя потопляема, Богу победную песнь поим, вопияше» (Покаянный канон, песнь 1); «Чувственный фараон потоплен бысть со всевоинством, Израиль же прошед посреде моря, вопияше: Господеви Богу нашему поим, яко прославися. (Октоих, Глас 6, Суббота). Данные тексты до сих пор имеют хождение в православном церковном дискурсе.¹

Не исключено, что и сама мифологема освобождения народа сильным идейным лидером из вражеского плена, воплощённая в ветхозаветном сюжете исхода евреев из плена под предводительством Моисея, стала для Феофана своеобразным ориентиром; недаром в «Епиникион» вводится образ Бога, напрямую произносящего речь, как в Библии, и образ Петра, освобождающего Россию от захвата шведскими войсками. Тем не менее, следует оговорить, что упоминание

¹ Для дальнейшего исследования перспективным кажется сопоставление образа фараона с богослужебными текстами католической традиции на предмет упоминания в них слова «фараон».

самого имени Моисея в обеих версиях «Епиникиона» отсутствует. В свете этого следует вспомнить контекст употребления непосредственно имени пророка в корпусе текстов Прокоповича. Так, оно встречается, однако в иной функции, в «Слове на погребение всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго...»: «Се Моисей твой, о России! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерешимыя оковы злодеяния!» (с. 127). Видно, что здесь ветхозаветный пророк представлен не как народный освободитель, а как законодатель.

Одной из центральных тем «Епиникиона» является противопоставление праведных русских воинов яростным и жестоким шведам. Приведённый ниже отрывок демонстрирует это противопоставление лучше всего. Здесь также наблюдается и смешение христианской нечистой силы с античными богами, выполняющими схожую функцию:

...сих ревность по вѣри
И отчествѣ раждеже, овѣх же без мѣри
Распали бѣс яростный и жаждущий крови (с. 210).

Tych święta za Oyczyzne y za Wiareę wlekła
Gorliwość, a tych serca podzegała wsciekła
K krwi chciwa Alekto...

Объяснение этому, судя по всему, может быть дано то же, что и ранее: автор стремится выразить одну идею в разных образах, знакомых разной читательской публике. Здесь мы видим два равнозначных образа из различных культур.

Следующий фрагмент текста, в котором описывается бегство шведских войск, требует дополнительных культурологических комментариев:

...инных скороногий
Страх изнесе, и уже во силѣ немногий
Сам лев, иже многия устрашаше грады,
В лѣсы, в чащы побѣже искати отрады.
С малою ли бѣжиши, звѣре, срамотою,
Хоботом заглаждая слѣд твой за собою? (с. 212–213)

...sam też z takiej trwogi
Lew ony, co po Państwach wydawał ruiny,

Pierzchnąć musiał gdzieś w ciemne chaszczy y gęstwiny
Jaki wstyd zwierzu wielki! co się stało z tobą.
Bieżysz, y ślad ogonem zamiatasz za sobą?

Лев — известная аллегория побеждённой Швеции. По наблюдениям П. О. Морозова, в «Епиникионе», посредством введения образа льва, впервые фиксируется сравнение Петра I с библейским Сампсоном.¹ Образ бесславно убегающего льва дополняется выразительным жестом — хвостом, которым поверженное животное замечает свой след. Однако хвост, присутствующий в польской версии текста («ogon») в церковнославянской редакции заменяется на не вполне ясное в данном контексте слово «хобот». Предположение о том, что данное слово могло иметь в XVIII веке другую семантику, не находит подтверждений. Словарь Академии Российской фиксирует только известное на сегодняшний день значение: «1) У слона: нос, вытянутый со лба длиною, достигающею даже до земли, упругою, растягиваемою и стягиваемою трубою <...> 2) У насекомых: передний носец во влагалище, коим насекомья сосут соки из произрастений».² Словарь польского языка XVI века (Słownik polszczyzny XVI wieku) не приводит значения слова «ogon», отсылающего к слоновьему хоботу.³

В свете вышеизложенного объяснение может быть следующим. По-видимому, при создании церковнославянской версии текста Феофан ориентировался на более древнюю форму употребления слова «хобот», встречающуюся в древнерусских текстах: «И хобот его (змия) влекий 3-юю часть звѣздъ небесныхъ». Апокал. 54 об. (XII–XIII века); «Видѣхом ту жену стоящую простовласу на краи глубины, и змии бяше великъ обильсяоколо ея от ногу и до главы... и заимаше ея уста хоботом». Сб. Паис., 153 об. (XIV–XV века); «В Ниль рѣкъь есть звѣрь лютой крокодил... великъ и силенъ, четыре

¹ Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель: Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб., 1880. С. 118.

² Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб., 1794. Ч. 6: От Т. до конца. Стб. 566.

³ Słownik polszczyzny XVI wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992. Т. 21. S. 98–101.

ноги и хобот ящеричьи». Арс. Сух., 39 (1649–1653 годы).¹ Как показывают приведённые примеры, «хоботом» называется хвост рептилий, преимущественно змей, то есть существ, ассоциирующихся в средневековой христианской культуре с демоническим началом. По-видимому, именно эта коннотация слова «хобот» являлась важной для автора «Епиникиона» при демонизации аллегории Швеции.

...всегда ти побѣдну
 Дая помощ, да бы и лютую ехидну,
 Пиющую кровь святых, твоим же убити
 Дал тебѣ оружием... (с. 214)

żebyś y obzartał
 Gydre krwi braci naszych mieczem twym umorzył
 I tymże Ottomanską ciemnicę otworzył...

Стоит обратить внимание сразу на три существенных отличия между представленными текстами. Прежде всего, как и в приведённых выше отрывках, христианский образ «лютой ехидны» заменяется античным именем «Гидра». Отметим, что образ ехидны в церковнославянском варианте уже фигурировал ранее («О племя ехиднино!»), однако прямой аналогии ему из античной мифологии заимствовано не было. И. П. Ерёмин, комментируя данный отрывок, рассматривает ехидну как аллегория униатской церкви в Польше (с. 480).

Далее, в этом фрагменте обозначение воинов различается в двух редакциях: польское «braci» (братья) заменяется в церковнославянской версии на «святые». Подобная трактовка образа русского войска коррелирует с появлявшимся ранее тезисом о праведности их душ, в противопоставление яростным шведам. Развив эту тему, автор пришёл в финале церковнославянского варианта к наделению русских воинов ореолом христианского праведничества, свойственного в древнерусской литературе агиографическим произведениям с элементами воинской повести. Так, к примеру, в «Житии Александра Невского» с описаниями воинских подвигов святого органично сочетаются такие «общие места» житий, как

¹ Цит. по: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 вып. Л., 1984. Вып. 6: Т–Я и дополнения. С. 123–124.

рождение от благочестивых родителей («Съй бѣ князь Александръ родися от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от материи Феодосии»¹), частые параллели с библейскими сюжетами и персонажами («Бысть же в то время чудо дивно, яко же во древняя дни при Езекии цесари»²), посмертные чудеса («Егда убо положено бысть святое тѣло его в раку, тогда Савостиян икономъ и Кирилъ митрополит хотя розъяти ему руку, да вложат ему грамоту душевную. Он же, акы живъ суци, распростеръ руку свою и взят грамоту от руки митрополита»³) и т. д.

Наконец, обращает на себя внимание появление реального исторического названия — Оттоманской империи. Ерѣмин, комментируя церковнославянский вариант строчки, трактует её как намерение Петра освободить «всех, томящихся в турецкой неволе, южных славян» (с. 480).

Создаваемый образ Петра-освободителя православных народов довершается финальным стихом:

Крест на стѣнах Сионских водрузиши златый (с. 214).

Ерѣмин пишет об этом отрывке следующее: «Пожелание, характерное для многих украинских литераторов той эпохи: силою русского оружия завоевать Константинополь с его древними православными святынями — храмом Св. Софии и др.» (с. 480).

Однако польский вариант приводит иную трактовку его образа:

I na murach Sionskich chorągiew postawił.

Семантически слово «хоругвь» («chorągiew») многозначно. В СЭС указано три значения данной лексемы:

- 1) Устар. назв. войскового знамени. 2) Подразделение в рыцарском войске ср.-век. Польши и Литвы, в 16-18 вв. подразделение в польско-литов. армии, соответствовавшее роте.
- 3) Вертикально свисающее полотнище с изображением

¹ Жизнь Александра Невского / Подгот. текста, перевод и коммент. В. И. Охотниковой // Памятники литературы Древней Руси: В 12 вып. М., 1981. Вып. 3: XIII век. С. 426.

² Там же. С. 430.

³ Там же. С. 439.

Христа или святых, укрепленное на длинном древке и носимое при крестных ходах.¹

В «Словаре польского языка XVI века» приведено лишь значение военного знамени и войскового подразделения: «szandar, proporzee»,² «oddział wojskowy».³ Такое название войскового подразделения, будучи заимствованием из польского языка, также использовалось в армии Петра I. Принимая во внимание факт наличия сугубо церковного значения слова (полотно с изображением святых), мы предполагаем, что в данном случае доминирующей является военная семантика, на что указывает, в первую очередь, само употребление слова в тексте, написанном на польском языке. Значение же войскового подразделения петровской армии в данном контексте, при наличии аналога «крест» в церковнославянской версии, представляется маловероятным. Таким образом, Пётр в польской редакции текста предстаёт скорее не как религиозно-политический деятель и царь-освободитель православных народов, а как военачальник, несущий военную хоругвь.

Как было показано, церковнославянский текст в определённой мере «вторичен» по отношению к польскому. Тем не менее, это не значит, что он является «неудачным переводом» польской версии. Предположительно, будучи написанным на другом языке — церковнославянском — другой вариант «Епиникиона» входит в принципиально иной литературный контекст — контекст русской литературной традиции, сложившейся к началу XVIII века.

Разумным кажется довод, что автор «Епиникиона» использовал готовые книжные «формулы» для описания хода Полтавской битвы, не принимая участия в военных действиях лично. С целью дальнейшего соотнесения «Епиникиона» с культурно-языковой традицией, сложившейся в России к началу XVIII века, проанализируем избранный текст на

¹ Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М., 1988. С. 1463.

² Słownik polszczyzny XVI wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. T. 3. S. 286.

³ Ibid. S. 287.

наличие в нём речевых «формул», характерных для древнерусской литературы.

Пожалуй, наиболее ярким отличием церковнославянской версии, упомянутой выше, является обилие демонических образов:

Всуе, — рече, — вся сия вражия навѣты,
Да и всю лютость и вес изнурит яд звѣрный,
Хотя церковь попраи и род благовѣрный (с. 209).

На отца отчества мещеши меч дерзкий!
О племя ехиднино! О изверже мерзкий! (с. 210)

....всегда ти побѣдну
Дая помощ, да бы и лютую ехидну,
Пиющую кровь святых, твоим же убити
Дал тебѣ оружием... (с. 214)

В. П. Адрианова-Перетц указывает на то, что в образах ехидны и аспида заключены понятия жестокости и злобы.¹ Неслучайно «змеиный» атрибут – хвост-хобот – имеет и фигурировавший ранее лев в церковнославянской версии. Если учесть исторический комментарий Ерёмкина (что ехидна является аллегорией униатской церкви), то и здесь оказывается возможной культурная аллюзия: ехидна как злой змий, намеревающийся уничтожить истинную церковь.

Наиболее избилующим древнерусскими формулами кажется центральный эпизод произведения — описание битвы. Отталкиваясь от жанровой и тематической природы произведения, логичным представляется соотнести его с жанром древнерусской воинской повести, подробно рассмотренной в работе А. С. Орлова «Об особенностях формы древнерусских воинских повестей».² В данной таблице приведены

¹ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 92.

² Стоит сразу оговорить, что приводимые примеры формул вовсе не подразумевают использование Феофаном именно тех литературных источников, которые цитируются Орловым, поскольку, как замечает сам исследователь, характерной особенностью древнерусских формул является то, что они беспрепятственно переходят из одного текста в другой. См.: Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей. М., 1902. С. 1.

сопоставления традиционных формул, выделенных Орловым с конкретными речевыми формулами «Епиникиона»:

№	«Епиникион»	Древнерусская литература
1	Блисну огнем все поле; многия воскорь Излетьша молния (с. 212)	«Блещашеся оружие, яко молния в день дождя» (Кул. Битва)
2	И уже день помрачи дым, смьшен со прахом. (с. 212)	«...и от дыму их стояла над нами сильная гуча тёмная» (Азов. осад. сид.)
3	И вся на главу твою и на твоя силы Летуция сотвори бездълныя стрьлы. (с. 212)	«и стрьлам яко дождю идущу на градъ ихъ» (Ипат.)
4	...лиется кровь всюду; Стелет землю трупие; мало уже люду Зрится во полках его. (с. 212)	«не можаше пройти от многога трупия» (Исканд.)
5	лиется кровь всюду; Стелет землю трупие... (с. 212)	«Яко по удолием кровь теци» (Лавр., Ипат.)

Кроме того, след формульности имеется, очевидно, и в следующем отрывке (описывается духовное превосходство русских войск над шведскими):

Дабы ни на смертную силу полка многа,
Ни на лук свой уповал воин, чтущий бога. (с. 210)

Лук и стрелы, как известно, в начале XVIII века уже не выполняли военной функции. Возможно, «уповать на свой лук» также является следом языка более древних памятников.

Подведём итоги. Многие вышперечисленные факторы: речевые формулы; «звериная» и «бесовская» семантика лексем, используемых для создания образа врага; «христианизация» русских войск и т. п. — позволяют говорить о наличии древнерусского культурного пласта в обоих рассматриваемых текстах «Епиникиона». В церковнославянской версии он усиливается при помощи актуализации христианского элемента произведения.

Мы рассмотрели произведение Феофана Прокоповича как текст, репрезентирующий один сюжет на двух языках. Не-

сомненно, следует подходить к «Епиникиону» как в произведении, наследующему традиции культуры барокко. Не погружаясь подробно в характеристику барочных особенностей церковнославянского варианта произведения, следует указать, как минимум, многочисленные «нетрадиционные» метафоры, встречающиеся наравне с устойчивыми формулами: «тверда дерзость» (стихи 47–48), «меч дерзкий» (стих 65), «бездѣльные стрѣлы» (стих 98), «смерть, огнем летуца» (стих 101), «скороногий страх» (стих 115) и т. д., относимые в традиционной риторике к приёму *inventio*.¹ Исходя из этого, мы считаем удобным охарактеризовать выявленную ситуацию по условной схеме «автор — слово — действительность», приведённой А. В. Михайловым в работе «Поэтика барокко: завершение риторической эпохи» и демонстрирующей специфику художественного текста эпохи «готового слова».² В риторическую эпоху поэт видит мир не напрямую, а только сквозь призму словесной традиции, что видно при сопоставлении редакций «Епиникиона»: церковнославянский текст избранного произведения демонстрирует преемственность древнерусской литературе, что находит отражение в речевых формулах, восходящих к воинским повестям, изображении врагов, а также «сакрализации» русских воинов; в то же время в польской версии вводятся образы, типичные для западноевропейского культурного контекста.

Подкрепляет данные выводы и главный тезис исследования Л. А. Софроновой «Принцип отражения в поэтике барокко»³: отражение одних явлений в других является одним из ключевых в поэтике данного направления. Если понимать выводы учёного более широко, то можно представить выделенные образы двуязычного и «поликультурного» текста как взаимозаменяемые элементы в нарративе о Полтавской победе, отражающие одно явление средствами разных культур.

¹ Сазонова Л. И. Литературная культура России: Раннее Новое время. М., 2006. С. 166.

² Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 331.

³ Софронова Л. А. Принцип отражения в поэтике барокко // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 78–101.

Как видится, полученные данные свидетельствуют о своеобразной культурной гетерогенности и «поливалентности» текста. Органично сочетая в себе элементы польской барочной культуры и жанров древнерусской литературы, рассмотренные образы, относящиеся к разным редакциям текста, существуют как бы в двух параллельных измерениях, находя отдалённые переклички друг с другом: ехидна — Гидра, поле битвы — Марс, Горний дом — Небесный замок и т. д. Возможно, здесь находит воплощение один из барочных принципов: взгляд на вещь с необычной стороны или с разных сторон. Но два текста описывают одно событие не только с разных точек зрения, но и исходя из разных культурных традиций. Сделанные наблюдения показали, что в сознании Феофана Прокоповича действительно присутствовало понятие двух традиций. Смена языка влекла за собой трансформацию культурного кода, что сопровождалось различным мотивным и образным наполнением, а также использованием характерных формул-маркеров культуры. Таким образом, избранный для анализа текст демонстрирует случай переключения культурного кода в двух редакциях, на церковнославянском и польском языках, что даёт основание говорить об использовании разных культурных языков в пределах единой традиции восточнославянского барокко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Автухович Т. Е.* Ранние стихотворения Феофана Прокоповича // *Веснік БДУ імя У. І. Леніна. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія.* 1981. № 1. С. 11–14.
2. *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.
3. *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 461–531.
4. *Копаниця Л. М.* «Епиникион» Феофана Прокоповича: до питання про текстуальну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття // *Література. Фольклор. Проблеми поетики: збірник наукових праць.* Київ, 2012. Вип. 37. Ч. 1. С. 154–162.

5. *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: Материалы к истории: XVII — первая половина XVIII века. М., 2000.
6. *Михайлов А. В.* Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 326–391.
7. *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.
8. *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель: Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб., 1880.
9. *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996.
10. *Николаев С. И.* О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века // Русская литература. 2015. № 2. С. 132–138.
11. *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (Кончая XVII в.). М., 1902.
12. *Сазонова Л. И.* Литературная культура России: Раннее Новое время. М., 2006.
13. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 вып. Л., 1965–1984.
14. Слово о полку Игореве / Подг. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 254–267.
15. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М., 1988.
16. *Софронова Л. А.* Принцип отражения в поэтике барокко // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 78–101.
17. *Творогов О. В.* Задачи изучения литературных формул Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 20: Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков. С. 29–40.
18. *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.
19. *Łuźny R.* Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-wshodniosłowiańskich w XVII–XVIII w. Kraków, 1966.
20. Panegyricus de celeberrima victoria, quam Petrus Primus D: G: Rex, totius Rossiae monocrator, &c. &c. de universis suecorum exercitibus Deo Iuvantae reportavit. Киев, 1709.
21. Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 1–36. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1956–2012.